

16: Несоразмерное возмездие

Третий сектор

Планета Эная

Белый дворец

Фигаро свисал с оконной рамы, половина его тела открылась холодному энайскому воздуху. Его новый наряд идеально подходил холодному климату в ста метрах над землёй.

Горничная Элли почти вырвалась из его хватки, но сейчас она висела над дальним внутренним двором, держась за руку Фигаро. Она смотрела на него большими растерянными глазами.

— Мне жаль, — сказала она едва слышно.

— За что? — крикнул Фигаро.

— Прости, — сказала она и отпустила его руку.

Фигаро её не отпускал. Мгновение он удерживал её, отчаянно цепляясь пальцами, но затем он увидел изменение в выражении её лица, напряжение в теле, готовность к чему-то, что должно было произойти. Он отпустил её.

Руки обхватили его, его талию, плечи, одежду на спине и втянули обратно в комнату как раз в тот момент, когда девушка взорвалась.

Взрыв сотряс башню, ударная волна ворвалась через разбитое окно и загремела люстрой в комнате его матери. Наружная сторона башни не пострадала, остальные окна остались целы. Они были изготовлены из специального стекла, снаружи практически неразрушимого и способного выдерживать огромное давление, но такого же хрупкого, как обычное стекло, при ударе изнутри, чтобы была возможность сбежать.

Левая рука Фигаро, которой он вцепился в раму, кровоточила. Он стоял в окружении Корпуса Сенека, каждая женщина была готова убить его, пусть они и не понимали, что только что произошло. В их глазах он был опасен, он был спасителем, но, прежде всего, он был источником их смущения. Каждая из них знала, что не справилась со своими обязанностями.

Фигаро тоже это знал.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась капитан Тек с эскортом из ещё нескольких солдат. Она бросилась к матери Фигаро.

— С тобой всё в порядке?

— Да, — сказала его мать без особых эмоций, — благодаря моему сыну. — В её словах чувствовалась острота, но не из-за тона её голоса, а из-за простой констатации факта.

Капитан Тек посмотрела через комнату на Фигаро: из его руки капала кровь, со всех сторон он был окружён женщинами, каждая из которых в одиночку могла убить дюжину мужчин. Все они были насторожены по отношению к парню, что её беспокоило.

— Как это произошло? — потребовала ответа капитан Тек неясно от кого.

— Горничная, — сказала один из солдат. — У неё было взрывное устройство. Мы проверили её... — Стыд, неудача, смущение — никто из присутствующих не был обучен справляться с такой формой нападения.

Капитан Тек повернулась к отцу Фигаро.

— Она была из твоих.

Его отец ничего не сказал, даже не двинулся с того места, где он стоял — рядом с Фигаро. Кроме слегка сжатых губ ничего не говорило о том, что он расстроен из-за прошедшей совсем близко смерти всей его семьи. Фигаро знал лучше.

— Устройство было имплантировано в её тело, — сказал Фигаро. — Не знаю, как долго оно в ней было. Может быть, годы. Похоже, она не знала, что делает. Возможно, она была под контролем разума или какой-то другой разновидностью спящего агента. Она нервничала, а значит знала, что должно было случиться, но я не думаю, что она была рада этому.

— Рада? — повторила капитан Тек. — Кого, чёрт возьми, вообще волнует, была ли она рада?

— Меня, — тихо сказал Фигаро. Он поднял красную руку и осторожно подошёл к матери. Все солдаты выхватили оружие, щелчки указывали на то, что их органика была активирована, их волосы стояли дыбом, а глаза мерцали ярким светом.

Отец Фигаро вышел вперёд, положив руку на плечо своей жены. Когда его глаза загорелись, щелчка не было, а волнистые волосы на его голове остались на месте. Свет в глазах солдат Сенека мгновенно потух. Именно это делало отца Фигаро одним из самых сильных органиков во всех секторах — его способность мешать другим активировать их собственную органику. Солдаты зашатались, в замешательстве схватившись за головы.

Его мать мягко опустила свою руку на руку мужа, лежащую на её плече. Он позволил свету исчезнуть из его глаз, и женщины Сенека вернули равновесие, пусть и не достоинство.

Фигаро игнорировал угрожающие позы вокруг него. Даже если бы его отец не вмешался, они вряд ли что-нибудь сделали с ним в присутствии его матери. Она могла убить их всех силой мысли — именно это делало её одним из самых сильных органиков во всех секторах.

— Среди вашего эскорта есть медик? — спросил Фигаро. — Ничего серьёзного, но болит довольно сильно.

Его мать, которая странно смотрела на него и которая больше не была приставучей матерью, которой нравилось изводить его, а была чем-то другим, чем-то большим, кивнула капитану Теку.

Солдат подошла к Фигаро и вытащила из бокового кармана маленький чемоданчик. Он вздрагивал, когда она обрабатывала порезы на его руке.

— Как ты хочешь разобраться с этим? — спросила его мать.

— Это дело Корпуса Сенека, — сказал его отец. — У вас есть протоколы, которым вы должны следовать, не так ли, капитан?

Капитан Тек, явно недовольную тем, как идут дела, похоже, не очень обрадовало такое небрежное к ней отношение со стороны мужчины. Она привыкла, чтобы к ней относились с уважением и, по крайней мере, с небольшим опасением.

— Ты хочешь, чтобы я вызвала ударную силу и изолировала твою планету?

— Я хочу, чтобы вы выполнили свою работу, капитан.

— Преступником был один из твоих.

— Мне всё равно, даже если бы преступником был я. Я ожидаю, что вы не допустите вреда моим жене и детям. Обоим моим детям. — Он говорил с холодом, которого Фигаро никогда от него не слышал. У его родителей были стороны, которые они никогда ему не показывали, и он знал, что так и должно быть. Он задавался вопросом, были ли некоторые из этих качеств скрыты внутри него.

— Зовите ударную силу, — сказала его мать. — Ведь именно ради этого они находятся в режиме ожидания, не так ли?

У капитана Тека было лицо человека, которому велели делать то, что он уже планировал

делать, но которому не нравилось выглядеть так, будто он выполнял чужие приказы. Но в этом вопросе у неё не было большого выбора. Защищаемая цель был подвергнута нападению. Соответствующим ответом было полное и абсолютное уничтожение.

Потребовалось два часа, чтобы шесть линейных крейсеров Корпуса Сенека вышли на орбиту Энаи. Их первым действием было уничтожение или выведение из строя каждого космического корабля в любом порту, частном или государственном, с помощью хирургически точных ударов, которые сводили потери к минимуму. Вспышка света в небе и испарившаяся кабина пилота.

Затем они сбросили бомбы Венеры в каждом крупном населённом пункте. Большие металлические ракеты приземлились на открытой местности, наполовину погрузившись в землю, так, что торчали только их разноцветные хвосты. На фюзеляже было напечатано сообщение, раскрывающее их назначение.

«Это ракета Венера-6, выпущенная Корпусом Сенека. Любая попытка вмешаться в её работу приведёт к её активации. Её задача — выпустить вирус Y, который с эффективностью 99,6% стерилизует все человеческие особи мужского пола в радиусе 1000 км. Вирус Y запрещён Второй Вселенской Хартией. Корпус Сенека эту хартию не подписал».

Такой акт хорошо работал в качестве угрозы, хотя были случаи, когда бомбы преднамеренно взрывались людьми, которым они должны были угрожать. Взрывались их женщинами.

Генеральная ассамблея была созвана на чрезвычайную сессию. Председатель собрания Брин Адай, внушающая страх женщина, с которой отец Фигаро регулярно вступал в споры по гражданским вопросам, выступила с резким осуждением действий Корпуса.

Видеозаписи нападения сделали доступными, и стала очевидной вся серьёзность вопроса. Роль Фигаро в предотвращении бойни была упущена из виду. Без его волос и с лицом, скрытого его одеждой, он больше походил на агента Сенека. Никто не удосужился исправить это впечатление.

Последствия такого нападения были известны слишком хорошо. Нужно быть дураком или маньяком, чтобы предпринять что-то столь прямое против Корпуса Сенека, и не было ни одной причины защищать того, кто так вопиюще подвергает опасности остальных жителей планеты.

Генерал Свэй из Первого батальона Сенека появилась в Большом зале, который напоминал амфитеатр и в котором собрался весь состав ассамблеи. Она находилась на борту висящего на орбите флагмана, но её голограмма выглядела совершенно настоящей. Крепкая женщина средних лет с бритой головой, со страшным шрамом, проходящим сверху вниз по одной стороне её лица и который она не пыталась скрыть, и с металлической бронёй, мерцающей в свете Большого зала, как будто она действительно находилась в комнате.

— К нам будут доставлены лица, ответственные за это, или мы начнём вторую фазу этой программы.

В зале стояла полная тишина, а затем встал мужчина. В возрасте, иссохший и сутулый, он заговорил:

— Это я, Дебин, первый из Аккранов, ответственен за этот ужасный поступок. Я прошу у вас прощения и прошу не наказывать остальных за моё преступление.

Он был старым соперником отца Фигаро и явным противником в Сенате. Возможно, он попытался бы сделать что-то подобное, но это казалось бессмысленным. Зачем ему злить Корпус?

Однако этот мужчина вышел вперёд. Хватит ли этого, чтобы спасти остальных? Все взгляды, которые были направлены на Дебина, вернулись к генералу Свэй.

— Ты признаёшься в этой попытке убийства? — спросила она.

— Нет, — сказал Дебин. — Целью была не одна из вас. Ей был парень, Фигаро Олло. Мы нацелились на него, мы знать не знали, что в то время там был Корпус Сенека.

Смятение прокатилось по залу и утихло.

Говорил ли он правду? Фигаро был уверен, что Элли удивилась, увидев его в комнате его матери, но это могло быть связано со сменой причёски и одежды. Но если бы он был настоящей целью, она могла бы достаточно легко достать его. То утро было идеальным временем.

Фигаро наблюдал за происходящим из комнаты симуляции во дворце, внимательно изучая Дебина на наличие каких-нибудь выдающих его признаков. На экране были видны тёмная морщинистая кожа старика, молочно-белые глаза и седые волосы. Его потеря не будет большой жертвой. Он мог протянуть ещё несколько лет, но жизнь его уже была близка к завершению.

Козёл отпущения? Скорее всего. Весь его род также будет уничтожен, но было трудно достать абсолютно всех. Если он пришёл сюда, чтобы признаться в совершении преступления, то он, скорее всего, принял меры предосторожности, чтобы спасти некоторых членов своей семьи.

Фигаро наблюдал, как его отец встал со своего места, чтобы выступить перед Ассамблеей.